

Разве это патриотизм?

Стремясь популяризировать своё учение и привлечь к нему новых приверженцев, русская церковь устами своих «деятелей» усердно распространяет теорию об исконном патриотизме православных. С амвонов льются речи о том, что только «благотворному влиянию духовенства русский народ обязан своей национальной независимостью». Подчёркивается патриотическая роль церкви и во времена татарского ига, и в годы, близкие к нам.

Так ли это? Когда зимой 1237 года началось нашествие полчищ Батые на северо-восточную Русь, народ оказал героическое сопротивление завоевателям. Насмерть стояли русские рати в Рязани и Владимире, в Ростове и Переславле, на реке Сити. В это время духовенство вместо поддержки народа вошло в соглашение с врагами. Так, монахи Богословского монастыря, под Рязанью, приняли Батые с почестями. Хан понимал, что без поддержки церкви ему будет трудно поставить на колени русских. Поэтому он не только сохранил монастырь, но дал монахам вклады, к иконе Богослова приложил свою охранную золотую печать, дал такие привилегии церкви, каких не было даже при удельных князьях, — полное освобождение от различных поборов и налогов. Владения церкви объявлялись неприкосновенными.

Русские церковники признали власть золотоордынского хана и объявили её происходящей от бога. В «Житии святого князя Михаила Черниговского» устами самого святого говорится: «Тебе, Царю, кланяюсь, понеже тебе Бог поручил царство света сего».

На протяжении всего периода татарского ига церковники не ссорились с ханами. Епископ Феогност учредил православную епископию в Сарае — столице Золотой Орды. Митрополит Алексей много раз ездил туда, дружил с ханом. Ростовские епископы Игнатий и Кирилл тоже ездили туда за подачками.

Отцы церкви не останавливались и перед тем, чтобы в своих корыстных целях воспользоваться военной силой татар. Таким был ростовский епископ Тарасий, по вине которого в 1293 году была опустошена и разграблена Дюденем ростовская земля. «Житие благоверного Петра» рассказывает, как сын и внук этого ростовского святого занимались доносами в Орду на своих противников, как при нападении на Ростов татарской рати Ахмыла внук святого Петра, Игнат, заставил епископа Прохора со всем церковным причтом покорно смириться перед татарами.

В период национального подъёма, когда объединившиеся русские земли вокруг Москвы смогли оказывать организованное сопротивление захватчикам, даже такой «печальник земли Русской», как игумен Сергей Радонежский, много раз уговаривал Дмитрия Донского не выступать с оружием против татар, а провести переговоры с ними. Только поняв, что дальнейшее смирение перед врагом может оттолкнуть народ от церкви, он «благословил» князя на Куликовскую битву.

За два года перед этим, в битве на реке Воже, под Рязанью, которую Карл Маркс охарактеризовал как первую битву русских войск с татарами, проведённую по всем правилам тогдашнего военного искусства, русские захватили много пленных. Среди них оказался и православный священник, у которого при обыске нашли «мешочек с зельями», предназначенными, по его словам, для отравы воды в колодцах в стане русских воинов. Подобных примеров можно привести много.

Как же расценивали потом церковники поведение церкви в эту тяжёлую эпоху, отбросившую Русь на столетия назад, задержавшую её экономическое, политическое и культурное развитие? В прошлом веке они, например, писали, что нашествие Батые «было одним из благоворнейших событий и для нашей церкви, и для нашего отечества: для церкви тем, что сохранило и утвердило у нас православие, для отечества — тем, что породило у нас самодержавие». О том же писали

*Васильев, С. Д. Разве это патриотизм? / С. Д. Васильев // *Путь к коммунизму*. — 1966. — 14 апреля. — С. 3.

митрополит Макарий и священник П. Н. Соколов в своих трудах по истории церкви. И только профессор Е. Е. Голубинский в своей многотомной «Истории русской церкви» вынужден был признать, что в горькую годину нашествия «летописи не дают нам права сказать, чтобы епископы наши оказались на высоте своего призвания».

Но то было давно, могут возразить нам. Что ж, приведём пример из недавнего прошлого. Мы уже не говорим, что в годы становления Советской власти вожди православия во главе с патриархом Тихоном были в союзе с белогвардейцами и иностранными интервентами, а духовенство с оружием в руках выступало против рабочих и крестьян. Вспомним более близкие, но ещё более тяжёлые дни. Шла кровопролитная война с вероломно напавшими на нас гитлеровцами. И вот 30 августа—2 сентября 1942 г. в Минске, занятом оккупантами, происходил церковный собор, на котором архиепископ Могилёвский Филофей огласил благодарственную телеграмму Гитлеру за «освобождение от безбожников-большевиков» с пожеланием «быстрейшей победы».

А вот как сформулировано одно из высших проявлений религиозной морали в Евангелии Матфея: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Эта евангельская заповедь не только аморальна, но и преступна. Выходит, что церковь призывает верующих любить поджигателей войны, благословлять клеветников, обливающих ложью нашу страну, молиться за империалистов, пытающихся развязать новую мировую войну!

С. Васильев